

Karaulov Ju. N. Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ee izuchenija // Jazyk i lichnost': sbornik statej / otv. red. D. N. Shmelev. – M.: Nauka. – 1989. – S. 3–8.

Klobukova L.P. Fenomen jazykovej lichnosti v svete lingvodidaktiki // Mezhdunarodnaja jubilejnaja konferencija, posvjashhennaja 100-letiju akademika V.V. Vinogradova: tezisy докладов. – M. – 1995. – S. 321–323.

Kochetkova T.V. Jazykovaja lichnost' nositelja jelitarnoj rechevoj kul'tury: avtoref. diss. ... d-ra filol nauk. – Saratov. – 1999.

Kolesnikova L.N. Russkaja ritoricheskaja lichnost' prepodavatelja vuza i ee rol' v akademicheskom mezhkul'turnom prostranstve: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. – M. – 2017.

Kolesov V.V. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. – L.: LGU. – 1986. – 312 s.

Kovtunova I.I. Jazykovye portrety russkih poetov. Anna Ahmatova // Russkij jazyk: prilozhenie k gazete «Pervoe sentjabrja». – 2002. – № 17. – 2002.

Krysin L.P. Sovremennyj russkij intelligent: Popytka rechevogo portreta // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. – 2001. – № 1. – S. 90–106.

Leont'ev A.A. Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka. – M.: Moskovskij universitet. – 1977. – 228 s.

Maslova V.A. Lingvokul'turologija. – M.: Akademija. – 2001. – 208 s.

Prohorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' pri obuchenii russkomu jazyku inostrancev. – M. – 1996. – 325 s.

Rjabikina N. Jazykovej portret russkogo cheloveka v proze I.A. Bunina: tragizm kontrastov i protivorechij // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela. – M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet pečati imeni Ivana Fedorova. – 2006. – S. 93–97.

Sedov K.F. Tipy jazykovykh lichnostej i strategii rechevogo povedenija (o ritorike bytovogo konflikta) // Voprosy stilistiki. Jazyk i chelovek. – Vyp. 26. – Saratov: Saratovskij universitet. – 1996. – S.8–14.

Vinogradov V.V. Istorija slov. – M.: Institut russkogo jazyka imeni V.V. Vinogradova RAN. – 1959. – 1142 s.

Zhanalina L.K. Jazyk sovremennoj nauki: Jazykovye portrety: uchebnoe posobie. – Almaty. – 2010. – S. 3–117.

УДК 81

ББК 80/81/83

А.Г. Лошаков

Alexandr G. Loshakov

Трансгрессия как принцип организации семантического пространства сверхтекста

Transgression as a principle of organization of semantic space of an overtext

Аннотация: В статье рассматриваются категориальные признаки сверхтекста как единицы национального унитекста. Основное внимание уделяется понятию трансгрессивности как способности текстов и сверхтекстов выходить за пределы собственной смысловой автономности, вызывать направленную смысловую актуализацию, интенсифицировать процессы ассоциирования, имплицирования, метафоризации, метонимизации, семантической и смысловой диффузии.

Ключевые слова: Сверхтекст; унитекст; трансгрессия; Г.В. Адамович; Пушкинский текст; Северный текст; Богородничный текст.

Abstract: The article deals with categorial signs of an overtext as a unit of a national unitext. The attention is paid mostly to the notion of transgression as a possibility of texts and overttexts to break

the limits proper sense autonomy, provoke directed sense actualization, intensify processes of associating, implicating, metaphorizing, metonymizing, semantic and sense diffusing.

Keywords: overtext; unitext transgression; G.V. Adamovitch; Pushkin text; Northern text; Bogorodnichnyi text.

В 1827 г. И.В. Гете в разговорах с И. Эккерманом только мог предсказывать приход «эпохи всемирной литературы» [Эккерман, 1934, с. 348]. Сегодня же тезис о существовании единой текстовой концептосферы и стоящего за ней «всемирного текста человечества» стал общим местом в теории текста и текстологических исследованиях, хотя и обозначается этот текст разными терминами. Так, в теории текстоники (textonics) – новой гуманитарной дисциплины, своего рода электронной филологии, теории и практики работы с сетевыми текстами, представленной в работах М.Н. Эпштейна, он назван глобальным унитекстом, который включает в себя национальные унитексты. Если глобальный унитекст вбирает в себя все тексты, написанные на всех языках, то национальный – на том или ином национальном языке. В Сети компоненты этих текстов-универсумов взаимосвязаны посредством гиперлинков, кроме того, они взаимопереводимы, хотя еще весьма некачественно [Эпштейн, 2016, с. 310, с. 314].

Унитекст, и глобальный и национальный, несомненно, характеризуется информативностью, открытостью, членимостью, подвижностью и повсеместной проницаемостью как внешних, так и внутренних границ, поскольку порождение текстов происходит непрерывно. Свойственна тому и другому унитексту, таким образом, и целостность, которая обеспечивается языковой и интертекстуальной связностью, реализуемой через разного вида парадигмы цельностей на всех уровнях их структур. «Связать части между собой, чтобы они представляли некоторое законченное целое, можно только за счет сходства самих частей, иначе говоря, за счет того общего, что содержится в каждой части» [Шмелев, 1990, с. 135]. Разумеется, что, в силу трудно обозримой протяженности унитекста, интегративные процессы в нем протекают принципиально избирательно, иначе, нежели в отдельно взятом тексте, поскольку в светлом поле сознания они могут проявить себя только в результате профилированного текстологического анализа. И данная особенность характерна как унитексту, так и тем его интегративным и суммативным текстовым единицам, чья текстуальность простирается далеко за рамки конкретного автономного произведения.

Надо полагать, что унитекст обладает и такими категориальными свойствами текста, обусловленными его коммуникативной природой, как интенциональность и воспринимаемость (Р. де Богранд, В. Дресслер), если видеть в нем вполне самостоятельный субъект коммуникации, который вступает в диалог и выпол-

няет задачу культурализации, социализации, идентификации адресата посредством репрезентации в различных типах дискурса, институализированных практиках релевантных этико-эстетических, социально значимых ценностей и смыслов.

Вопрос о единицах унитекста, которые, с одной стороны, его конституируют, а с другой – вычлениваются в рамках его предельной целостности (в концепции М. Эпштейна – это мегатексты, надтексты, синтексты, перитексты, стереотексты [Эпштейн, 2016, с. 313–314]), разумеется, остается открытым для текстологических дискуссий. Как, впрочем, остается спорным и вопрос о типологии текстов и тех текстовых формациях, которые в той или иной мере отстают от так называемых «эталонных», «образцовых текстов», образующих ядерную зону в полевой модели категории «текст», предложенной Е.М. Литвиненко [Литвиненко, 2008].

В число текстовых объединений, komponующих унитексты, безусловно входит и сверхтекст, изучение которого было инициировано работами Н.П. Анциферова (1922, 1923, 1924) [1991], В.Н. Топорова [1995, 2003], Ю.М. Лотмана [2002], Н.Е. Меднис [2003], Н.А. Купиной и Г.А. Битенской [1994] и др. Сегодня проблематика сверхтекста является одной из наиболее активно изучаемых в текстологии, при этом с различных теоретических позиций (см., например: [Абашев, 2008; Леденёва, 2017; Гаврилина, 2011; Лыткина, 2010; Люсый, 2017; Тихомирова, 2009, Шилина, 2013 и др.].

Предъявление сверхтекста как реальной единицы унитекста, как самостоятельного субъекта диалога в культуре (в феноменах которой «все прошлое и будущее человеческой истории собирается, замыкается в моем разуме, ставится под вопрос и может быть коренным образом свободно перерешено» [Библер, 1993, с. 23]) происходит на уровне метатекстовой коммуникации в условиях, с одной стороны, актуальной рефлексии профессионального в сфере культуры сознания на тексто- и смыслопорождающую активность особо значимых в национально-культурном пространстве феноменов – прецедентных тем, имен, локусов, событий, с другой – живого отклика на связанные с ними устойчивые интенции, вызовы, запросы культуры. Идентификация сверхтекста в метатекстовой деятельности предполагает профилированное прочтение автономных связанных общей смысловой установкой и темой текстов как их модификаций, образующихся в рамках сверхтекстовой целостности под знаком трансгрессии, которая стирает границы их автономности, обуславливает возникновение, выдвижение в рамках текстовой формации сквозных тем, мотивов, образов и, следовательно, новых свойств.

Нами под сверхтекстом понимается текстовая формация, возникающая в результате проявления единства множества самостоятельных текстов, отмеченных общей телеологией, коммуникативно-прагматической направленностью и рефе-

рентной соотнесенностью, что интенциональным образом приводит в действие семантическую трансгрессию текстов по отношению друг к другу, в силу чего преодолеваются и устраняются их внешние границы, актуализируются такие категориальные свойства сверхтекста, как открытость и подвижность его структуры, а также выделенные В.Н. Топоровым кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность [Топоров, 2003, с. 26, с. 27, с. 85].

Таким образом, сверхтекст представляет собой целостную, но внутренне противоречивую, подвижную и открытую структуру, обладающую многомерным семантическим пространством. За каждым сверхтекстом стоит единый полиструктурный, полиаспектный семиотический объект описания и интерпретации (локус, личность, событие, артефакт, идея, образы картин, персонаж, сюжет и пр.). В силу своей высокой социокультурной значимости, имплицативности и прецедентности такой объект мотивирует и продуцирует все новые и новые тексты, которые объективируют и репрезентируют ценностно-смысловой потенциал его бытия, сущности, текстуально развертывая его в пространственных, временных и духовных направлениях, доступных реципиенту [Люсый, 2017, с. 17]. Так, к примеру, длящийся во времени Северный текст русской литературы, вобравший в себя особенности менталитета северян и северной картины мира выступает в качестве литературного субъекта бытия Русского Севера (мира природного, мира духовного, мира социального), равноправного партнера в художественной коммуникации. По наблюдениям Е.Ш. Галимовой, «сам характер воздействия Русского Севера на писателей – создателей северорусского текста – осмысливается ими как нечто, не поддающееся рациональному, логическому объяснению и определяется ими словами с семантикой чудесного, волшебного» [Галимова, 2010, с. 13]. По сути, как справедливо утверждает В.В. Абашев, «любой исторически и культурно освоенный и продуцирующий культурную информацию локус» создает свой локальный текст [Абашев, 2008, с. 35] со своей собственной интенцией, стратегиями текстуализации и интерпретативным кодом.

В свое время Г.А. Гуковский теоретически обосновал положение о том, что произведение растворяется в групповом единстве произведений, что мыслимое читателем единство (отдельность) произведения довольно условно, поскольку оно живет в ряду определенных текстов и соответственно смысловой план конкретного текста «реализуется в свете целого комплекса единства произведений – традиции, борьбы, направления, стиля» [Гуковский, 2002, с. 114, с. 110–111]. Что касается сверхтекста, то в его границах семантическая сопряженность автономного текста (текстов) с другими текстами гораздо мощнее, поскольку любой его текст осознается как часть единства, создаваемого на основе смысловых соотношений не

только со своим внешним литературным контекстом, о котором писал Гуковский, но и в большей мере с конкретной внетекстовой семиотической структурой (референтом), модализация, текстуализация и интерпретация которой подчинена содержанию «максимальной смысловой установки» (В.Н. Топоров), им же – семиотическим образованием (локусом, личностью, идеей, образом) – порожденной.

С высокой степенью интенсивности, например, происходит создающая различные оппозиции («систему зеркал») смысловая интеграция текстов, входящих в ту часть Пушкинского (сверх)текста, которая в художественном слове представляет «текст жизни» и «текст творчества» Пушкина. И данное взаимодействие объясняется не только их соотнесенностью с внетекстовой структурой – персоническим концептом «Пушкин», но и в большей мере действием смысловой установки Пушкинского текста, реализуемой в диапазоне, заданном двумя антитетичными аксиологическими векторами. В соответствии с первым вектором образ поэта переносится в сферу сакральных смыслов, в соответствии со вторым, наоборот, в сферу профанных. Таким образом, возникающая в сверхтексте множественность образов Пушкина создает своеобразный значимый в ценностном и коннотативном плане фон, существенно влияющий на осмысление конкретного текста. Что касается комплекса текстуальных стратегий, взаимодействующих в данном диапазоне, то он характеризуется модально-стилистическим многообразием и полифункциональностью: мифологизирующая стратегия вызывает к жизни демифологизирующую стратегию, игровая и карнавальная стратегии резонируют, конфликтуют с пуристической («охранной»), но в этом взаимодействии четко проявляется тот или иной аспект направленности и характер эволютивной (оценочной) модальной установки [Лошаков, Шушарин, 2016], поскольку «каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает помимо смыслового содержания еще и оценку» [Романова, 2011, с. 143].

Характеризуя свойства Петербургского текста, В.Н. Топоров, отмечал, что его «“цельно-единство”» создает столь сильное энергетическое поле, что все “множественно-различное”, “пестрое”, индивидуально-оценочное вовлекается в это поле, захватывается им и как бы пресуществляется в нем в плоть и дух единого текста <...> Именно в силу этого “субъективность” целого поразительным образом обеспечивает ту “объективность” частного, при которой автор или вообще не задумывается, “совпадает” ли он с кем-нибудь еще в своем описании Петербурга, или же вполне сознательно пользуется языком описания, уже сложившимся в Петербургском тексте, целыми блоками его, не считая это плагиатом, но всего лишь использованием элементов парадигмы неких общих мест, клише, штампов,

формул, которые не могут быть заподозрены в акте плагирирования» [Топоров, 1995, с. 261].

По сути, в словах В.Н. Топорова о «сильном энергетическом поле», благодаря которому отдельные тексты, текстовые блоки и парадигмы собираются под общим знаменателем в свертхтекст, создавая единое многомерное «свертхсемантическое» пространство, можно увидеть описание феномена, который соотносим с понятием трангрессии, пришедшим в гуманитарные исследования из философии, где оно связано с такими онтологическими «категориями, как граница и предел, бытие и становление, порядок и хаос». Кроме того, понятие «трангрессия» во многом синонимично таким известным в филологии явлениям, как «трангрессиентность», «полифония» (М.М. Бахтин), «смысловая плазма» (Б.М. Гаспаров) [Фаритов, 2016, с. 5]. Отметим также, что «приставка «транс-» «означает «за», «сквозь», «через», «по ту сторону» того, что обозначается корневой частью слова» [Эпштейн, 20016, с. 29].

Вопрос о стирании границ между текстами и «рассеивании смысла в рамках свертхтекста, казалось бы, актуализирует проблему «обессмысливания границ текста», ведь «их маркировка была ключом к раскрытию замысла, который диктовал стилистическое и смысловое единство» [Артамонова, 2017]. Однако, на наш взгляд, такого рода дисперсия смысла вовсе не лишает конкретный текст смысловой целостности, поскольку трангрессия создает новый уровень для его осмысления, в более широком и глубинном измерении, при этом с учетом категории интертекстуальности (транстекстуальности) и опорой на нее.

Именно трангрессия как принцип организации семантического пространства свертхтекста элиминирует границы между текстами, которые его структурируют, вызывает направленную смысловую актуализацию, рассеивание смысловой энергии, интенсифицирует процессы ассоциирования, метафоризации, метонимизации, интеграции, семантической и смысловой диффузии и т.п. Трангрессивность может проявляться в ситуации, когда тот или иной текст, благодаря наличию в нем маркеров определенного свертхтекста, идентифицируется как его компонент. Например, чрезвычайной плотностью словесно-образных, коннотативных, цитатных маркеров Северного текста русской литературы отмечен сборник рассказов Е.Ш. Галимовой «Северная рыбина»: «Какой-то удивительной, небывалой тишиной этот теплый августовский вечер запомнился. Вода была самая малая, далеко отошла, обнажила все рюжи и сети, песчаные кошки и камни, поросшие водорослями и ракушками, и колонии мидий, и прозрачных медуз с сиреневыми узорами. Море замерло и не дышало, ветра тоже не было совсем. А из звуков – только редкие вскрики чаек. Море и небо одного цвета – неярко-

голубого, белесоватого, тоже очень “тихого”. И закатное солнце в легкой дымке. Но и солнце как будто замерло, не торопится садиться. Почти нереальное какое-то состояние мира – райское. Борис Шергин писал про такие летние вечера и ночи над Белым морем: “Ночь, белая, сияющая, небеса и море сияют тихими перламутровыми переливами. Грань воды и неба теряется в золотом свете. Струящие жемчужное сияние небо и море... как створы перламутровой необъятной раковины...”» [Галимова, 2017, с. 133–134]. Просвечивание целого – северорусского текста – в сборнике Е.Ш. Галимовой происходит за счет поразительного соответствия словесно-образного, интенционально-коннотативного строя ее рассказов образному инварианту (Н.Е. Меднис называет его «образной сверткой», «предваряющим концептом», «опережающей моделью») сверхтекста, манифестируемому, например, таким фрагментом обширного словеснообразного ряда: *земля неизвестная, край земли, природа – святой храм; чудеса, радость, бодрость, сила, «синева далей», «серебро вод», «звонкая медь полуночных восходов»* (Н.К. Рерих), *святые вечера, сказочный мир, белая ночь, беспредельность чистоты, смутные века...* Такого рода образный «поликонденсат» наличествует в памяти и автора и читателя Северного текста, он, собственно, и позволяет реализоваться трансгрессии, что предполагает направленность интенции реципиента не столько на определенный фрагмент, образ текста, сколько на данный во времени целостный во всей своей концептуально-образной сущности объект, своего рода образную «тексто-сверхтекстовую амальгаму». Ср. у Э. Гуссерля: «Если интенция направлена на всю мелодию целиком как единый целостный во времени объект, то вся мелодия и все принадлежащие ей тоны будут восприниматься как слышимые “сейчас”, полагаемые в единой связи схватывания, пока последний из них не перестанет звучать» [Гуссерль, 1994, с. 214]. Н.Е. Меднис, развивая мысль В.Н. Топорова об особой энергетике цельности сверхтекста, об эстетической общности его плана выражения, справедливо отметила, что «помимо вещного (в широком смысле слова) денотата в структуре сверхтекста возникает некая промежуточная данность, своего рода прозрачное зеркало, отражающее реалии, но в своеобразном преломлении лучей, определяемом уже не бытийными, а эстетическими векторами. <...> При этом образный инвариант «порой кажется настолько знакомым, что порождает в носителе его убежденность в точности мысленного или вербального воспроизведения привлекаемых реалий» [Меднис, 2003а].

Вызванный таким образом эффект возмущения в системе сверхтекста порождает смысловое взаимодействие (спайку) между частью (текстом) и целым (сверхтекстом). При этом часто один и тот же текст может осознаваться соп-

ряженным с образно-смысловыми сферами разных сверхтекстов и, амальгамируясь в их словесно-концептуальном пространстве, создавать в точках смысловых пересечений специфические комбинации транстекстуальных отношений.

Чем больше плотность маркеров, чем весомее их позиция в тексте, тем сильнее будет эффект трансгрессии между ним и конкретным сверхтекстом, тем интенсивнее будут проходить вызванные им смыслопорождающие процессы. Так, стихотворение Г.В. Адамовича «Лубок» проявляет свою концептуальную направленность одновременно к нескольким текстовым формациям. Во-первых, к индивидуально-авторскому с такой его модально-ценностной установкой, как поиск «прекрасной ясности», трансляция «русской религиозной тревоги, неизбежно переходящей в тревогу моральную» [Адамович, 2002, с. 117], выражение чувств и настроений человека, оставшегося наедине с вечностью, с жизнью и смертью: *Есть на свете тяжелые грешники, Но не все они будут в аду* [Адамович, 1996, с. 171]. Под воздействием трансгрессии оказываются акцентированными такие лингвопоэтические особенности «Лубка», как «прозаизация» словаря и интонационно-синтаксического строя, лаконизм в использовании изобразительных средств, приемы психологического жеста, повышенная ассоциативность и эмотивность автологических словесных рядов [Лошаков, 2007]: *Это было в московской губернии / В девятьсот двадцать первом году. / Комиссаром был Павел Синельников / Из рабочих или моряков. / К стенке сотнями ставил. / С крестьянами / Был, как зверь, молчалив и суров.*

Во-вторых, трансгрессивность вовлекает «Лубок» в «энергетическое поле» Евангельского и Богородичного (сверх)текстов русской литературы, обладающими мощнейшим ассоциативно-смысловым зарядом и четко прочерченной концептуальной сеткой ценностных координат, а это тексты Пушкина, Лермонтова, Тютчева, А. Хомякова, Л. Толстого, Достоевского, Лескова, Блока, Ахматовой, Волошина, Шмелева, Н. Федорова, З. Гиппиус и многих др. Тем самым в «Лубке» один из ключевых мотивов данных сверхтекстов – стремление к преображению человека и мира, восходящий к своему евангельскому прототипу – Преображению на горе Фавор, а вместе с ним и мысль о том, что искупление грехов, обретение добродетели возможно лишь в настоящем, обращенном, как и прошлое, к вечности, получает поистине хоровое звучание. При этом текст «Лубка» обретает статус текстовой модификации, перифразы доминантной евангельской аксиологемы. История же комиссара Синельникова, данная в нескольких эпизодах: отпадения от Бога фанатическим служением идеалам коммунизма; духовного воскресения, дарованного Богородицей: *Но вдруг замолчал. / И лицо его бледное / Отразило восторг и испуг; жизнь в монашестве в молитвах за грешных: Там,*

навеки в монашеском звании, / Чуть живой от вериг и поста, / О себе, о России, о Ленине / Он без отдыха молит Христа, являясь сюжетным маркером этих сверхтекстов, направленно ассоциирует с сюжетами многих прецедентных тестов, но в первую очередь с историей римлянина Савла (Саула), яркого гонителя христиан, который, после явления ему Христа, крестился под именем Павел и всю свою жизнь посвятил служению Господу, приняв в конце мучительную смерть за веру свою от тех, «кто возлюбил неправду» (II Фес.2:12). Более того, в силу действия трансгрессии, в самом имени героя «Лубка» и в фоническом ряду двух первых четверостиший: *Павел Синельников; СтаВиЛ, С креСтЬЯнАми, зВерь, моЛчАЛиВ, СуРоВ* явственно проступает анаграмма САВЛ.

Аттракция между «Лубком» и Богородичным текстом осуществляется не только через ситуацию явления Павлу Богородицы, что характерно для текста-апокрифа, но и через символику синего цвета. Согласно Б.О. Унбенгауму, русская фамилия Синельников восходит к этимону «‘красильщик, специалист по окраске в синий цвет’ < синий» [Унбенгаум, 1989, с. 14]. В христианстве именно этот цвет знаменует присутствие Божественного, небесного, в земном: «нетленный Дух Твой пребывает во всем» (Прем. 12: 1); является символом посланничества и Богородицы. Ср., например, в стихотворении А. Ахматовой на смерть Блока (1921): *Смоленская нынче именинница, / Синий ладан над травой стелется, / И струится пенье панихидное, / Не печальное нынче, а светлое* [Ахматова, 1990, с. 166]. Несомненно, что Адамович, выбирая фамилию для героя «Лубка», следовал культурно-религиозной традиции выражать сакральные смыслы посредством цвета.

Вполне ощутима принадлежность «Лубка» и к другим сверхтекстам, которые были актуализированы исследователями относительно недавно – Московскому и Северному и сопряженному с ними Лагерному тексту. Так, казалось бы, плотность маркеров Московского текста, в отличие от того же Богородичного текста, в «Лубке» не столь велика. Однако нельзя не обратить внимания, что эти маркеры из числа тех, которые центрируют его, задают вектор для ассоциирования и имплицирования релевантной для исторического хронотопа информации: *Это было в московской губернии, / В девятьсот двадцать первом году.* Таким образом, имя «Лубок» оказывается в сфере воздействия смыслов, связанных с «памятным местом» (Ю.Н. Караулов) «Лубянка», которое является концептуальным маркером не только Лагерного, но и Московского текста. Вместе с тем происходит актуализация знаний и о трагических событиях 1921 г. в истории России: о жестоком подавлении большевиками массовых антиправительственных выступлений в разных городах; небывалом доселе голоде, который истолковывался

верующими как признак воцарения антихриста и приближающегося конца света, о расстреле Николая Гумилева и др. В это время в Московской губернии, в самой Москве создавались различного типа концлагеря, тюрьмы, в которых нашли мученическую смерть тысячи ни в чем не повинных людей. Тогда же, как указывает М.Г. Горбаневский, здание на Большой Лубянке (д. 14), где размещалась ВЧК, москвичи стали называть «кораблем смерти», а и в их речевой обиход вошли такие выражения, как «его забрали на Лубянку», «он сидит на Лубянке», «ночью приехали с Лубянки и арестовали всю семью». «Черный воронок», «ГУЛАГ», «Лубянка» – звенья одной цепи исторической трагедии, звенья цепи ассоциаций» [Горбаневский]. Употребленный Адамовичем фразеологизм *ставит к стенке*, надо думать, из этого ряда.

В результате трансгрессии в «Лубке» оказываются имплицитными и другие элементы, определяющие единство кода Московского текста: мифологемы «Москва – город на крови», «Москва бесовская», «Москва – второй Вавилон» и др., тип героя праведника и духовного странника [Селеменова, 2009; Андрюкова, 2013, с. 14]. Е.Е. Левкиевская указывает, что в «московских» православных легендах советского периода Москва предстает в двух антитетичных образах: один лишен света, обезбожен, одичал от собственной жестокости, залит кровью, другой – полон тайных светильников, невидимых духовных троп, в нем избранным по молитве являются Богородица и Николай Угодник [Левкиевская, 1997, с. 829, с. 830].

Последняя «точка» на пути аскетического подвига, пути безмолвия и собирания духа» (Г. Флоровский) Павла Синельникова находится *на севере*, суровой, но освященной Богородицей и ее именем земле: *Монастырь там стоит среди озера, Волны ходят и сосны шумят*. В русском поэтическом сознании образ сосны ассоциируется с мотивами сиротства, уединенности, расставания. Будучи вечно зеленой, сосна символизирует вечность, нетленность. Эти мифопоэтические образы точно рифмуются с такими образными доминантами пространства Северного текста, как *преисполненность тайны, чуда, загадки, святость, эквивалент вечности, «щемящее чувство пустынности, одиночества», «отрезанность от всего мира»* [Казаков, 2004, с. 562, с. 499] и данными в противопоставлении им: *край земли, край света, край в версте от ада, место ссылки и каторги, место мучений, страданий и гибели* [Галимова, 2010, с. 11–12].

Таким образом, трансгрессия наделяет каждую составляющую сверхтекста способностью выступать в качестве прегнантного, свернутого сверхтекста (иначе говоря, предопределять целому роль смыслового субстрата в теле конкретного текста), метонимически представлять смысловые (концептуальные) узлы сверхтекста, его мотивно-образные доминанты, определять векторы направленного

ассоциирования и имплицирования, производить инференции, устанавливать мета-текстовые взаимоотношения как между его частями в аспекте целого, так и между целым и той или иной его частью. Мотивируется трансгрессия маркерами определенного сверхтекста (сверхтекстов), представленными в словесно-семантическом пространстве того или иного текста. От плотности маркеров зависит интенсивность проявления трансгрессивных процессов. В результате трансгрессии происходит актуализация не только интертекстуальных связей, но и связей между сверхтекстами, создается единое полифоничное смысловое пространство сверхтекстовой формации.

Библиографический список

- Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь. – 2008.
- Андрюкова Е.А.* «Московский текст» в творчестве И. Шмелева (период эмиграции): автореф. ... канд. филол. наук. – Вологда. – 2013.
- Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина Душа Петербурга. – СПб. – 1991.
- Адамович Г.В.* Собрание сочинений. Литературные заметки. – Кн. 1. – СПб. – 2002.
- Артамонова Н.Д.* Конец «литературоцентричной» эпохи и методологические перспективы понятия «текст» // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. №2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/806>
- Библер В.С.* Диалог культур и школа XXI века // Школа диалога культур. Идеи. Опыты. Проблемы / под общей ред. В.С. Библера. – Кемерово. – 1993.
- Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 6. – С. 75–83.
- Галимова Е.Ш.* Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. научн. тр. / отв. ред. А.Г. Лошаков, Л.А. Савёлова. – Архангельск. – 2010.
- Горбаневский М.В.* Лубянка // М.В. Горбаневский. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы [Электронная библиотека: BooksCafe.net]: URL: http://bookscafe.net/read/gorbanevskiy_mihail-moskva_kolca_stolet
- Гуковский Г.А.* О стадильности развития литературы / подготовка текста, комментарии, вступ. статья Д.В. Устинова // Новое литературное обозрение. № 55. – 2002. – №3.
- Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Э. Гуссерль. Собр. соч. – Т. 1. – М. – 1994.
- Купина Н.А., Битенская Г.В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург. – 1994.
- Леденёва В.В.* Обречённый на креолизацию? // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2017. – № 2 (Текст остается текстом. Круглый стол). URL: www.vestnik-mgou.ru
- Левкиевская Е.Е.* Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник – 2. – М. – 1997.
- Литвиненко Т.Е.* Интертексты в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография. – Иркутск: ИГЛУ. – 2008.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб. – 2002.

Лошаков А.Г. «Костер лучистой энергии»: лингвопоэтический анализ стихотворения Г.В. Адамовича «Лубок» // *Res philologica: ученые записки СФ ПГУ* / отв. ред. Э.Я. Фесенко. Архангельск. – 2007. – Вып. 5.

Лошаков А.Г., Шушарин, И.А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки.* – 2016. – №5.

Лыткина О.И. Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2010. – № 4 (2).

Люсый А.П. Русская литература как система локальных текстов: автореф. ... д-ра. филол. наук. – Вологда. – 2017.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – НГПУ. – 2003 // URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>

Меднис Н.Е. Семиотика ошибки в «городских» текстах русской литературы // *Критика и семиотика.* – Новосибирск. – 2003а. – Вып. 6. // URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs6mednis.htm>

Романова Т.В. Человек и время. Язык. Дискурс. Языковая личность. – Нижний Новгород, 2011.

Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950 гг.) // *Вестник РУДИ, серия Литературоведение. Журналистика.* – 2009. – №2.

Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст // *Изв. УрГУ. Серия Гуманитарные науки. Филология.* – 2009. – № 1/2 (63).

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического.* – М. – 1995.

Топоров В. В. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб. – 2003.

Унбенгаум Б.О. Русские фамилии. – М. – 1989.

Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дисс. ... д-ра филос. наук. – Ульяновск. – 2016.

Шилина А.Г. Жанрово-коммуникативные характеристики гендерно-ориентированных журналов в лингвосинергетическом аспекте (на материале женских русскоязычных журналов Украины): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – Киев. – 2013.

Шмелев И.П. Третья сигнальная система // *Шевелев И.Ш., Мурутаев М.А., Шмелев И.П.* Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М. – 1990.

Эккерман И. Разговоры с Гёте. – М.; Л. – 1934.

Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменить мир. – М.; СПб. – 2016.

Источники

Адамович Г.В. Лубок // *Г. В. Адамович. Одиночество и свобода* / сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. – М. – 1996.

Ахматова А.А. А Смоленская нынче именинница... // *Собр. соч.: в 2 т. – Т.1.* – М. – 1990.

Галимова Е.Ш. Серебряная рыба. Рассказы. – Архангельск. – 2017.

Казаков Ю. Избранное. – М. – 2004.

Рерих Н.К. Избранное. – М. – 1979.

References

Abashev V.V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature NN veka. – Perm'. – 2008.

Adamovich G.V. Lubok // *G. V. Adamovich. Oдиночество i svoboda* / sost., avt. predisl. i prim. V. Krejd. – М. – 1996.

Adamovich G.V. Sобрание sochinenij. Literaturnye zametki. – Kn. 1. – SPb. – 2002.

Ahmatova A.A. A Smolenskaja nynche imeninnica... // *Sobr. soch.: v 2 t. – Т.1.* – М. – 1990.

- Anciferov N.P.* «Nepostizhimyj gorod...»: Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina Dusha Peterburga. – SPb. – 1991.
- Andrjukova E.A.* «Moskovskij tekst» v tvorčestve I. Shmeleva (period jemigracii): avtoref. ... kand. filol. nauk. – Vologda. – 2013.
- Artamonova N.D.* Konec «literaturocentrichnoj» jepohi i metodologičeskie perspektivy ponjatija «tekst» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Jelektronnyj zhurnal). 2017. №2. URL: <http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/806>
- Bibler V.S.* Dialog kul'tur i shkola XXI veka // Shkola dialoga kul'tur. Idei. Opyty. Problemy / pod obshhej red. V.S. Biblera. – Kemerovo. – 1993.
- Faritov V.T.* Transgressija i transcendencija kak ontologičeskie perspektivy diskursa: diss. ... d-ra filos. nauk. – Ul'janovsk. – 2016.
- Galimova E.Sh.* Serebrjanaja rybina. Rassказы. – Arhangel'sk. – 2017.
- Galimova E.Sh.* Severnyj tekst russkoj literatury kak sverhtekst // Semantika i pragmatika slova i teksta. Pomorskij tekst: sb. nauchn. tr. / otv. red. A.G. Loshakov, L.A. Savjolova. – Arhangel'sk. – 2010.
- Gavrilina L.M.* Kaliningradskij tekst v semiotičeskom prostranstve kul'tury // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. – 2011. – Vyp. 6. – S. 75–83.
- Gorbanevskij M.V.* Lubjanka // M.V. Gorbanevskij. Moskva: kol'ca stoletij. Iz istorii nazvanij mestnostej i rajonov, ulic i pereul'kov stolicy [Jelektronnaja biblioteka: BooksCafe.net]: URL: http://bookscave.net/read/gorbanevskiy_mihail-moskva_kolca_stolet
- Gukovskij G.A.* O stadial'nosti razvitija literatury / podgotovka teksta, kommentarii, vstup. stat'ja D.V. Ustinova // Novoe literaturnoe obozrenie. № 55. – 2002. – №3.
- Gusserl' Je.* Fenomenologija vnutrennego soznanija vremeni // Je. Gusserl'. Sobr. soch. – T. 1. – M. – 1994.
- Jekkerman I.* Razgovory s Gjote. – M.; L. – 1934.
- Jepshtejn M.N.* Ot znanija – k tvorčestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenit' mir. – M.; SPb. – 2016.
- Kazakov Ju.* Izbrannoe. – M. – 2004.
- Kupina N.A., Bitenskaja G.V.* Sverhtekst i ego raznovidnosti // Chelovek – tekst – kul'tura: kollektivnaja monografija / pod red. N. A. Kupinoj, T. V. Matveevoj. – Ekaterinburg. – 1994.
- Ledenjova V.V.* Obrechjonnyj na kreolizaciju? // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Jelektronnyj zhurnal). – 2017. – № 2 (Tekst ostaetsja tekstom. Kruglyj stol). URL: www.evestnik-mgou.ru
- Levkievskaja E.E.* Moskva v zerkale sovremennyh pravoslavnyh legend // Lotmanovskij sbornik – 2. – M. – 1997.
- Litvinenko T.E.* Interteksty v aspektah lingvistiki i obshhej teorii teksta: monografija. – Irkutsk: IGLU. – 2008.
- Ljusyj A.P.* Russkaja literatura kak sistema lokal'nyh tekstov: avtoref. ... d-ra. filol. nauk. – Vologda. – 2017.
- Loshakov A.G.* «Koster luchistoj jenerгии»: lingvopojetičeskij analiz stihotvorenija G.V. Adamoviča «Lubok» // Res philologica: učenye zapiski SF PGU / otv. red. Je.Ja. Fesenko. Arhangel'sk. – 2007. – Vyp. 5.
- Loshakov A.G., Shusharin, I.A.* Prolegomeny k koncepcii Pushkinskogo teksta russkoj literatury // Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. Serija Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2016. – №5.
- Lotman Ju.M.* Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Lotman Ju.M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury. – SPb. – 2002.
- Lytkina O.I.* Tipologija toposnyh sverhtekstov v russkoj jazykovej kartine mira // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2010. – № 4 (2).
- Mednis N.E.* Semiotika oshibki v «gorodskih» tekstah russkoj literatury // Kritika i semiotika. – Novosibirsk. – 2003a. – Vyp. 6. // URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs6mednis.htm>

Mednis N.E. Sverhteksty v ruskoj literature. – NGPU. – 2003 // URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>

Rerih N.K. Izbrannoe. – М. – 1979.

Romanova T.V. Chelovek i vremja. Jazyk. Diskurs. Jazykovaja lichnost'. – Nizhnij Novgorod, 2011.

Selemeneva M.V. «Moskovskij tekst» v ruskoj literature HH v. (na materiale hudo-zhestvennoj prozy 1910–1950 gg.) // Vestnik RUDI, serija Literaturovedenie. Zhurnalistika. – 2009. – №2.

Shilina A.G. Zhanrovo-kommunikativnye harakteristiki genderno-orientirovannyh zhurnalov v lingvosinergeticheskom aspekte (na materiale zhenskih ruskojazychnyh zhurnalov Ukraïny): avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk. – Kiev. – 2013.

Shmelev I.P. Tret'ja signal'naja sistema // Shevelev I.Sh., Murutaev M.A., Shmelev I.P. Zolotoe sechenie: Tri vzgljada na prirodu garmonii. – М. – 1990.

Tihomirova L.N. «Nochnaja» poezija kak sverhtekst // Izv. UrGU. Serija Gumanitarnye nauki. Filologija. – 2009. – № 1/2 (63).

Toporov V. V. Peterburgskij tekst ruskoj literatury. Izbrannye trudy. – SPb. – 2003.

Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskij tekst ruskoj literatury» (Vvedenie v temu) // Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifologicheskogo. – М. – 1995.

Unbengaum B.O. Russkie familii. – М. – 1989.

УДК 82:801.6; 82-1/-9

ББК 83.3(4Рос)

С.В. Козлов

Sergei V. Kozlov

Пейзажные топосы М.Н. Муравьёва

Landscape topos M.N. Muravyev

Аннотация: Раскрываются особенности пейзажной лирики М.Н. Муравьёва. Филологически рассматривается поэтика стихотворения М.Н. Муравьёва «Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову» (1775). Выявляется жанрово-стилистическая специфика художественной экспликации концептосферы «Природа» в поэзии отечественного литератора XVIII века. Обращается внимание на роль литературной топики в построении муравьёвского художественного текста.

Ключевые слова: поэтика; концепт; пейзаж; идиллия; элегия; топос; аллегория; символ.

Abstract: M.N. Muravyev's landscape lyrics' features are observed. Poetics of M.N. Muravyev's poem «The tenth ode. Spring. To Vasilij Ivanovich Majkov» (1775) is considered. Genre and stylistic specificity of literary explication of conceptual sphere «Nature» in XVIII century domestic author's poetry is defined. The significance of literary landscape in the task to compose Muravyev's literary text is paid attention to.

Keywords: poetics; concept; landscape; eclogue; elegy; topos; allegory; symbol.

Михаил Никитич Муравьёв (1757–1807) – поэт, драматург и прозаик. Немало переводил с древнегреческого, латинского, французского, итальянского, испан-